

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

МЕРЗЕБУРГСКАЯ

ИСТОРИЯ

РАССКАЗ

Ханс

Будильник зазвонил громко, противно и самое главное, как всегда, неожиданно, как раз в тот самый момент, когда Ханс целовал в губы Ильзу. Ильза оттолкнула Ханса так, что он чуть не свалился с кровати.

- Все Ханси, хватит. На работу опоздаешь – сказала Ильза строго и отвернулась к стенке.

-Ладно, ладно. Встаю, мой генерал – воскликнул Ханс и присел на кровати. Будильник показывал четыре часа утра. За окном было темно и холодно.

Ханс быстро умылся, глотнул горячего кофе и вышел из квартиры. Он спускался по лестнице, стараясь не шуметь, но шаги все равно отдавались звонким эхом в пустом подъезде. Ханс немного задержался на ступеньках, вдохнул осенний холодный воздух и шагнул на мокрую брусчатку тротуара. Через полчаса Ханс вошел в полицейское управление Мерзебурга. Ханс Грюнмайер служил в криминальной городской полиции и был из тех молодых специалистов, про которых говорят – он подает надежды. Еще Грюнмайер был тем, кого считают карьеристом. В хорошем смысле. Он мечтал лет через десять или пятнадцать оказаться в кресле шефа криминальной полиции. Какой солдат не мечтает стать генералом.

Грюнмайер родился в хорошей семье. Он был единственным ребенком и его баловали. Отец всю жизнь проработал на бурогольном комбинате и хоть и не поднялся до профессиональных высот, но проявил себя в общественной жизни. Мать была домохозяйкой. Дома у Грюнмайеров всегда было тепло и уютно. Семья не была богатой, но маленький Ханси имел все, о чем только мог мечтать мальчишка из Восточной Германии. Летние каникулы он проводил в пионерском лагере. В свободные от школы часы, Ханси с удовольствием помогал матери с цветами. Цветник перед домом был гордостью фрау Грюнмайер. Мать Ханса была настоящим специалистом по декоративному цветоводству и на общественных началах занималась цветами в городском парке. А еще фрау Грю, как ее называли соседские дети, активно работала в уличном комитете и каждую среду председательствовала на собраниях. Ханси хорошо окончил школу, и потом технологический институт. Он собирался работать, как и отец, на бурогольном комбинате, а может быть и на химическом в Лойне.

Однажды, в один из дней, когда Ханс Грюнмайер еще купался в лучах счастливой юности, только-только закончив химико-технологический факультет в дверь их славного домика по Гартен

штрассе постучали. Фрау Грю открыла дверь и увидела человека средних лет в красивой униформе полицейского.

- Меня зовут Райнер, я начальник отдела кадров городского управления народной полиции. Ваш муж, Вальтер, должен меня помнить, я был у него в учениках в Гайзельтале. – сказал полицейский и фрау Грю пропустила гостя в дом. Райнер сидел напротив семейства Грюнемайеров и рассказывал о трудной и интересной, по его мнению, службе в криминальной полиции, о том, как не хватает в народной полиции молодых, грамотных, дерзких ребят, особенно сейчас, когда так обострились противоречия в окружающем ГДР мире. Фрау Грюнмайер принесла кофейник и свои фирменные домашние печения и разговор стал более доверительным.

- Знаешь, Ханс. Работа в полиции это то – Райнер на секунду задумался: то, о чем ты будешь всегда говорить с гордостью. Я не к тому говорю, что работа Твоего отца или других там на комбинате или еще где-то не важна, нет. Просто полицейский, он, понимаешь, он все это защищает, хранит. Дом, семью, возможность быть счастливым. Ты понимаешь?

- Да, герр Райнер. Я понимаю – ответил Ханс, и твердо решил стать полицейским.

Вначале Хансу не давали серьезных дел. По правде сказать, ему вообще не давали никаких дел. Его наставник Фридрих Кун повсюду таскал его с собой, по ходу объясняя, что и как. Фридрих был не старше Ханса, ну может быть на год или два. Они вместе ездили по городу на патрульной машине, ходили по улицам, просиживали много часов в кабинете, разбирая то или иное дело, на примере которого Фридрих хотел научить Ханса «мыслить в нужном направлении, отсекая не нужное».

- Так еще Микеланджело говорил – поучал Фридрих. Ребятам намеренно не поручали ничего серьезного, давая возможность сработаться.

- Ну что Кун готов твой напарник к большому делу – сказал однажды шеф криминальной полиции Шенкер и потряс тощей папкой-скоросшивателем.

- Готов герр майор – отчеканил Фридрих и вытянулся по стойке смирно.

- Ну, тогда вот – дело! – воскликнул шеф и бросил на стол папку: даю Вам неделю. Через неделю жду результаты расследования. Все. Дверь за Шенкером захлопнулась, и Ханс вздрогнул: а хватит недели – то? А, Фридрих?

- Хватит – уверенно сказал Кун и открыл папку.

Фридрих и Ханс, наверное, потому что были почти что ровесниками, давно наплевали на субординацию и спустя несколько недель совместной работы стали просто хорошими друзьями. Они

взяли в привычку заходить после работы в гаштет, пропустить по паре пива. Фридрих говорил, что полицейский всегда на работе, даже когда спит дома и даже тогда, когда пьет пиво после работы. В этот раз ребята сидели в пропахшем пивом подвальчике «Зеленого попугая», а перед ними на столе лежала папка с делом.

- Заявление гражданина Мильха Иоганна о пропаже мопеда и еще три подобных заявлений. Все датированные еще маем месяцем. Представляешь, сколько эти заявления валялись у Шенкера. Два заявления 7 мая, а два 12. Что нам это дает, Грюнмайер – отхлебнув пива, сказал Кун.

- Я думаю – начал Ханс и задумался.

- Никогда не говори: я думаю. Говори, я считаю. Ты что! – поправил Кун коллегу и добавил: итак, что ты считаешь?

- Я считаю, что пропажи связаны между собой. А где это произошло?

- На Гойзер штрассе.

- Поехали туда. Посмотрим на месте.

Ханс взял инициативу и руководство в свои руки, но Фридрих не обижался. Они стали друзьями и решили, что отныне и удачи и не удачи будут делить поровну.

Прошло три дня. Детективы ездили на Гойзер штрассе к магазину от которого были угнаны два мопеда 7 мая и к бару на той же улице, от которого были угнаны другие два мопеда 12 мая. Ханс дотошно расспрашивал возможных свидетелей происшествия, а Фридрих изучал ближайшие переулки и проулки. Никаких следов. Все было тщетно. Свидетелей не нашлось. Переулки и проулки были обследованы, но мопедов там не было. Дело зашло в тупик. На четвертый день друзья сидели в кабинете и молчали. Каждый думал о пропавших мопедах и о том, куда они могли подеваться. Срок, отпущенный этому «большому делу» шефом подходил к концу, а команда Куна, как прозвали ребят в управлении, была еще далека от того, чтобы закрыть дело.

- Поехали ко мне. У меня сегодня День Рождения – нарушил тишину Фридрих.

- Сегодня? А что же Ты не сказал раньше? – воскликнул Ханс.

- А какое это имеет отношение к делу – логически точно заметил Кун и скомандовал: поехали!

Знакомство

- Ханс - это Ильза. Ильза - это Ханс - пробормотал Фридрих, когда дверь открылась. Кун небрежно кинул пиджак на пуфик и прошел в комнату.

- Так вот Вы какой, Ханс Грюнмайер – воскликнула Ильза и, заправив льняную прядь волос за ухо, добавила: мне Кун, я его так называю, все про Вас рассказал, что Вы вместе работаете и вместе пьете пиво после работы.

- А Вы Ильза...- начал было Ханс.

- А я сестра этого грубияна. Ведь он Вам ничего обо мне не говорил, да?

-Да. Ничего не говорил.

- А что говорить. Давайте за стол – крикнул из комнаты Кун.

Кун и его сестра Ильза жили вместе со своей матерью в маленькой квартире в сером панельном доме недалеко от Шлоссгартен. Грюнмайер и Ильза сразу понравились друг другу. Между ними, как говорится, проскочила искра или что-то в этом роде.

- Наш мальчик, кажется, влюбился – сказала фрау Грюнмайер, когда Ханс нетрезвой походкой проскочил мимо гостиной в свою комнату.

- С чего Ты взяла, матушка? – старшему Грюнмайеру явно не по себе было от этой идеи.

- Он первый раз пришел домой так поздно, еще и навеселе и не подошел к нам, чтобы пожелать доброй ночи. Я Тебе точно говорю, он влюбился.

Ханс и вправду влюбился. И пьян в ту ночь он был не столько от вина, сколько от Ильзы. От ее смеха, от ее глаз, от ее рук, от ее голоса. Да, Ханс влюбился.

Не пройдет и месяца, как Ханс и Ильза перестанут скрывать свои чувства и огорошат близких желанием жить вместе.

- Ты с ума сошла. Он же. Он... - запнулся Фридрих.

- Он твой напарник и он твой друг. И еще я люблю его.

- А мама? Что Ты ей скажешь?

- То же, что и Тебе.

Ильза настояла на своем, и Ханс поселился в ее комнате, пока они подыскивали квартиру. Фридрих хмурился по утрам и уходил на работу раньше, не дождавшись Ханса. Фрау Кун ворчала, что раньше в их времена надо было бы сначала сыграть свадьбу, а уже потом спать в одной кровати. Родители Ханса тоже были не в восторге от решения сына, но они его любили и баловали, поэтому приняли все это, как должное.

Прошло время, и все привыкли, что Ильза и Ханс вместе и всем, а особенно самим любовникам, казалось, что так будет всегда.

Но все это еще только будет впереди, а пока влюбленный Ханс Грюнмайер проснулся утром и ударил себя ладонью по лбу. Его осенило.

- Ну конечно. Как я раньше этого не понял – сказал он сам себе и вскочил с кровати.
- А завтрак, Ханси? – только и успела сказать фрау Грю, когда ее сын пробежал мимо кухни к двери из дома.

- Я понял, Кун. Это русские – влетая в кабинет, закричал Ханс.
- Чего Ты кричишь? При чем тут русские? Какие русские? Отстань, голова болит – отреагировал Фридрих и добавил: Он понял. Лучше бы Ты понял, что шефу будем говорить?
- Да ладно Тебе. Ты что и вправду не понимаешь? – не унимался Ханс: я только ночью об этом подумал.
- Приснилось, что ли? – перебил напарника Кун.
- Ну, приснилось. Какая разница? – оправдывался Грюнмайер: смотри сам. Там почти вдоль всей Гойзер штрассе забор русской воинской части.
- Стоп. Стоп. Я все понял. Не дурак – посерьезнел Кун и вкрадчиво сообщил: а ты знаешь, что говорит шеф про русских? А?
- Нет – честно признался Ханс
- Ру-сс-ки-х не тро-га-ть. Понял? – сказал громко Фридрих и поднялся из-за стола: не трогать и точка.
- Почему не трогать? А если я докажу, что русские мопеды угнали?
-Докажи
-Докажу
-Докажи
- А вот и докажу – обиделся на друга Ханс и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Шеф криминальной полиции Шенкер нервно поправил бумаги, грудой лежащие на столе и, подняв зачем-то пепельницу из майсенского фарфора вполголоса сказал: Эти уж мне русские.

Новость, которую ему сообщил Кун, новостью для него не являлась, он и сам догадывался, что к делу причастны русские, живущие внутри обшарпанного бетонного забора на окраине Мерзбурга. Шенкер уже представлял, как вынужден будет идти и объясняться с русскими и главное то, что в этом его походе нет никакого смысла. Он знал, что все кончится братанием по-русски, комнатой дружбы, и на следующее утро больной головой.

- Ладно, Кун, Грюнмайер собирайте доказательства, заканчивайте расследование и пойдете со мной к русским – сказал Шенкер: хоть раз доведем это безобразие до конца.

Ильза

Ильза работала в магазине грампластинок на вокзальной площади. Ей было пятнадцать, когда отец уехал по работе на Запад и

не вернулся. Брат сильно переживал из-за бегства отца. И пусть говорили, что отец сбежал от режима Хонеккера, для Фридриха было ясно, что отец сбежал от них, от мамы, Ильзы и от него. Возможно поэтому Фридрих и решил стать полицейским, чтобы доказать всем и главное отцу, что он никуда бежать не собирается, что для него его страна, как и его семья главные вещи на этом свете. А Ильза, она запустила школу, стала курить и однажды пришла домой пьяная. Фрау Кун, которая была вынуждена уйти из бухгалтерии трамвайного парка, и ей хватало забот с поиском новой работы, где бы на нее не смотрели косо из-за изменника мужа, замкнулась в себе и перестала даже пытаться повлиять на дочь. Фридрих, на правах старшего брата, воспитывал сестру, успокаивал мать, но со временем их общая боль не утихла, а скорее затаилась где-то в глубине их общего сознания. Потом был переезд с улицы Лиденштрассе, где они жили все вместе счастливо до бегства отца, в эту квартиру в серую панельную многоэтажку на улицу Унтеральтенбург. Ильза окончила школу, и ее приняли ученицей продавца в магазин. Фридрих уже работал в народной полиции, когда Ильза принесла свои первые заработанные деньги. Фрау Кун накрыла праздничный стол. И казалось, что счастье, их прежнее семейное счастье, возвращается к ним.

Через два года работы в криминальной полиции Фридрих получил повышение и из стажера сам превратился в наставника. А стажером стал Грюнмайер. Тот самый Ханс Грюнмайер, который однажды появился в семье Кун, да так и остался в ней. Правда, не совсем так, как хотелось бы фрау Кун. Ильза любила Грюнмайера и это чувство она хотела показать всем вокруг, матери, брату, подругам в магазине, соседям по многоэтажке и просто прохожим. Ханс сначала стеснялся такого «любовного шторма», как он говорил, а потом он привык и ему этот «шторм» стал даже необходим, как воздух. Они с Ильзой целовались везде: дома перед телевизором, на автобусной остановке перед открывающимися дверями автобуса, в магазине перед покупателями, везде.

- Ильза Кун, Вы будете уволены, если я увижу Вас на рабочем месте вместе с Вашим....хм...приятелем – сказала однажды Фрау Гранец, директор магазина грампластинок.

- Когда Вы нас пригласите на свадьбу, Ильза. Он такой милый твой Ханси – болтали девчонки из отдела классической музыки.

- Мы современные люди. Вы телевизор смотрите? Сначала надо привыкнуть друг к другу – отвечала на призывы Ильза.

- А Вы еще не привыкли? – ехидничали подруги.

Ильза и сама думала о свадьбе. И Ханс хочет жениться. Он сам ей об этом говорил. Но она боялась серьезного шага.

Русские

- Мне твои отговорки... вот где – закричал Командир и указал рукой в окно.

- Да это не отговорки, товарищ полковник – оправдывался высокий худощавый майор с серым изрытым оспинами лицом: я ему все объяснял, а он – зеленый, молодой. Ну что с ним делать?

- Что делать? С ним не хрена не сделать. Таким и останется. А вот, что мне делать, как с немцами разговаривать? Ладно, иди – сказал уже спокойнее командир и уселся в кресло.

Майор вышел из кабинета, тихо закрыл за собой дверь и на секунду замер, как бы в ожидании, вдруг командир передумает и опять его позовет!

- Нет. Тихо. Вот дерьмо. Надо же как – пробурчал под нос майор, развернулся и зашагал по коридору.

Майор Ермолаев перевелся в Германию из Афганистана, где он выполнял интернациональный долг и заслужил кой-какие награды, о которых не любил болтать. Человек он был серьезный и волевой, как говорится, не неженка. В полку Ермолаев занял должность заместителя командира по технической части. Вся техника военная и обеспечения была на нем. Солдаты его любили, за прямодушие и безотказность. А он прощал подчиненных, не замечал разгильдяйства и откровенной халтуры. Многие, конечно, этими совсем не военными качествами Ермолаева пользовались по полной программе. Когда майор только перевелся, к нему присматривались, а уже через несколько дней поняли – хороший человек, драть за все про все, как бывший зампотех не будет. И началось. Беспорядок в парках. То воду забыли слить, то масло залить, а то солярку чуть не в открытую стали продавать. Командир ругал майора все чаще и чаще. А тут надо такое приключилось. И как назло накануне присяги. А случилось вот что.

Прапорщик Жданков новоиспеченный старшина первой роты производил развод личного состава в парково-хозяйственный день, как обычно, в субботу.

- Рыжков берешь троих бойцов и в большой парк, чтобы боксы наши сверкали, понял и под эстакадой все убрать. Кистенюк, так, Костя рота твоя – коридор, кубрики – оставляй людей сколько надо.

Ряполов - прилегающая территория, ни одного бычка, ни одной соринки и деревья, самое главное, стволы побелить – понял?

- Товарищ прапорщик, а чем белить то? Краски то нету – воскликнул младший сержант Ряполов и развел руками.

- Нету, нету. Найди. На то, ты Ряполов и разведчик – засмеялся Жданков.

- Мы раньше к фрицу ходили. У него там все есть. Он вроде как не возражал – вспомнил Ряполов.
- Ну, раз раньше ходили, давай дуй к фрицу – скомандовал Жданков, распустил строй, взмахнув кистью руки, как дирижер и удалился в свою каптерку.

Фриц

Рядом с воинской частью, как раз там, где заканчивается забор по Гойзер штрассе и начинаются возделанные поля, стояло добротное хозяйство немецкого фермера.

Юрген, или фриц, как его называли русские солдаты, любил свое фермерское дело. Он растил кукурузу, держал свиней и еще какую-то живность. Соседство с советской воинской частью не слишком его беспокоило. Он привык. Русские раньше залезали к нему в сад за яблоками, ломали ветки, топтали огород. Юрген носил жалобы в муниципалитет, потом в полицию, но реакции на его жалобы не было. Русских не трогали. Тогда Юрген нашел другое решение. Когда начинали созревать яблоки и груши, сливы и абрикосы, он наполнял большие корзины и выставлял их рядом с границей сада. Русские перестали топтать огород и ломать ветки, они привыкли забирать фрукты из корзин, как дань от дружелюбного фрица. Постепенно русские и фриц стали друзьями. Когда ранним утром Юрген колесил на своем тракторе по полю, то увидев на бровке русских солдат, громко приветствовал их: Морген, а русские отвечали: здорово фриц. И все было предсказуемо и потому хорошо для всех и для фермера и для советских солдат. И все бы так дальше и шло, если бы не задание Жданкова.

В то злополучное утро Ряполов с тремя бойцами подошел к участку Юргена. По протоптанной дорожке вдоль поля солдаты пришли к сараю фермера и, повернув несколько досок в стене сарая, влезли внутрь.

- А может спросить у него? – осторожно поинтересовался один из бойцов у Ряполова.

- На каком языке ты у него спросишь то? А, дурень – рявкнул сержант и толкнул бойца в глубину сарая: давай ищи краску. Белая нужна, умник.

В сарае было темно и тесно. Какие-то корзины, банки, жестяные бочки наполняли все внутреннее пространство. Солдаты натыкались на садовый инвентарь и матерились.

- Сергеев, давай ищи выключатель. Должен же тут у фрица свет быть – скомандовал Ряполов и второй раз наступил на лопату: твою мать!

Сергеев стал шарить по стенам в поисках выключателя и видимо стараясь дотянуться до того места, где ему показался желанный рубильник, схватился за деревянный стеллаж. Раздался жуткий грохот. Стеллаж со всем содержимым полок рухнул на пол сарая и «похоронил» под собой испуганного Сергеева, который вылезая, устроил не менее страшный шум. Слава Богу, что у фрица не было собак, но вся остальная живность отчаянно заголосила. Куры, утки, свиньи – все вместе заревели, закудахтали и закричали, как будто по взмаху палочки дирижера грянул оркестр.

-Юрген, ты слышал? Кто-то в сарае – воскликнула жена фермера, наливая ему чашку кофе.

-Да что там такое? – вскочил Юрген и выглянул в окно. В утреннем тумане было слабо различимо какое-то движение у сарая.

- Я звоню в полицию Юрген – дрожащим голосом доложила жена и схватила телефонную трубку.

Полиция приехала быстро. Грюнмаер и Кун вместе с семейной четой фермеров прошли к сараю. Животные уже успокоились, и вокруг было тихо. В сарае они увидели нагромождение корзин, банок, бочек, садовых принадлежностей и торчащий из этой кучи словно скелет доисторического животного поломанный остов стеллажа. Кун заметил брешь в противоположной стенке и бросился туда. Остальные последовали за ним. Фридрих пригнулся, просунул голову в дырку и закричал: стой, ни с места.

- Зачем вы их сюда привезли? – Шенкер нервно вскочил со стула: что мне прикажете с ними делать?

- Проникновение в частное владение с целью ограбления. Порча имущества. Состав преступления на лицо – деловито доложил Грюнмайер.

Шенкер опустил голову, закрыл лицо руками и сидел так секунд тридцать. Потом опустил руки, поднял голову и спокойно тихо скомандовал: берешь русских и везешь их в комендатуру. Там передашь их на руки русским военным и все, понял?

- А... – начал было спрашивать Ханс.

- Скажешь, на улице подобрал. Хотя нет. Вези их лучше на КПП воинской части. А я сейчас позвоню русскому командиру. Они сами пусть разбираются. Все. Кун проследи, чтобы все было сделано, как я сказал – рассердился Шенкер и хлопнул ладонью по полировке стола. Шенкер встал из-за стола и уже более спокойным голосом приказал: фермера этого с женой давайте сюда пригласите.

Возмещение ущерба

На следующее утро, Юрген копаясь в саду, увидел длинную шеренгу русских солдат, надвигающуюся к его владению. Прапорщик Жданков сам руководил работами. Стеллаж в сарае отремонтировали и поставили на место, надежно закрепив к стене. --
-Чтобы в следующий раз не рухнул, а Серегеев – сострил старшина и бойцы дружно засмеялись. Все корзинки, банки и бочки были расставлены по своим местам, а злополучная дырка в стене навсегда забита новыми досками. Солдаты принесли с собой несколько бочонков с белой краской, один из которых поставили на стеллаж, а другой откупорили, и шустро обмакивая в краску кисти, выкрасили сарай снаружи в яркий белый цвет.
- Сорок пять минут. Как в аптеке – присвистнул Жданков и, козырнув впечатленному фрицу ладонью, скомандовал: в роту.

-Разрешите доложить товарищ майор? – звонко спросил Жданков, отдавая честь.
-Давай, давай. Докладывай – майор козырнул в ответ и придвинул поближе пепельницу.

Кабинет зампотеха в штабе был, наверное, самый неудобный. Разбросанные тут и там папки с чертежами, пустые бутылки из-под олифы и в придачу черный весь в масле карбюратор на газетной куче в углу. На этот кабинетный беспорядок со знакомой каждому улыбкой взирал Владимир Ильич с цветной репродукции над столом Еромолаева.

- Все сделали, товарищ майор, стеллаж восстановили, краску вернули, сарай покрасили. Немец доволен вроде как – докладывал Жданков.
- Вроде как? Ты смотри Жданков. Мне из-за тебя от папы знаешь как... по самое не могу – попытался рассердиться Еромолаев, но у него плохо получалось: ты там как-то все-таки поработай с личным составом. Чтоб, понимаешь, не допускались, такие все-таки случаи.
- Так точно, товарищ майор - Жданков вытянулся по стойке смирно.
- Ладно, Володь, проехали. Ты как домой или в наряде? – спросил зампотех и встал с кресла.
- Домой, Евгений Иванович.
- Щас, в дежурку заскочу, и пойдем вместе – Евгений Иванович запер кабинет и, опережая Жданкова, поспешил в дежурку.

Присяга

Прошло пару недель. Грюнмайер и Кун давно уже собрали все необходимые доказательства по делу о похищенных мопедах. Узнали, что рядом с местом пропажи мопедов часто видели двух русских солдат неопрятного вида. Ханс проследил все возможные передвижения русских от границ воинской части до гаштета и магазина и совершенно ясно представлял себе картину преступления. Но Шенкер не обращал никакого внимания на рвение подчиненных, как будто это не он самолично несколько недель назад поручил Куну и Грюнмайеру заниматься этим делом.

Между тем, Ханс уже несколько дней жил с Ильзой в квартире Кунов на улице Унтеральтенбург. Ханс был счастлив. Счастлив от того, что он любит и любим, от того, что живет самостоятельно и работает в полиции. Да, много у Ханса было тогда причин для счастья, так много, что трудности и переживания на работе мало влияли на его весеннее настроение в разгар немецкой осени.

- Кун и Грюнмайер, завтра в семь утра выезжаем на присягу к русским. Мы приглашены, как шефы воинской части. Быть в парадной форме. Для русских принятие присяги большой праздник – сказал Шенкер и добавил: это мероприятие может затянуться на неопределенное время. У русских так всегда, ничто не известно наперед.

Полицейская машина остановилась у КПП советской воинской части ровно в семь часов семь минут. Шеф криминальной полиции Шенкер, офицеры Кун и Грюнмайер вылезли из автомобиля, и подошли к капитальной будке контрольно-пропускного пункта. Встречающих русских не было. Только солдат с красной повязкой вышел из будки и преградил путь немцам. Немцы и русский простояли так, друг против друга не меньше нескольких минут, во время которых русский успел достать из мятой пачки папиросу и закурить. Грюнмайер закашлялся от дыма и отвернулся. Кун снял с руки часы и принялся крутить колесико подзавода. А Шенкер продолжал стоять и смотреть прямо на солдата. Вскоре в будке зазвонил телефон и наружу вышел еще один солдат и что-то ели слышно сказал первому.

- Айн момент – сказал первый солдат и затянулся папиросой. Потом он отошел от немцев, ловким движением пальцев отбросил дымящийся бычок в сторону и вытянулся по стойке смирно, повернувшись к территории части. По брусчатой дорожке со стороны казарм приближалось несколько офицеров. Это были командир Крылатов, начальник политотдела Майский и еще незнакомый Шенкеру офицер.

- Ну здравствуйте товарищи. Гутен морген – приветствовал немцев командир. НачПо отдал честь, и все обменялись рукопожатиями.

Шенкер сносно говорил по-русски, да и Кун с Грюнмайером учили этот трудный язык в школе, поэтому что-то понимали.

- А это наша молодежь. Смена – указал на молодых полицейских Шенкер и потрепал каждого из них по плечу.

- Смена это хорошо – сказал Крылатов, движением руки пригласив гостей проследовать за ним.

Пока шли по территории, которая поразила немцев своей чистотой и порядком, командир рассказывал о предстоящем мероприятии. Шенкер внимательно слушал, а Фридрих и Ханс таращились по сторонам – они впервые были приглашены в русскую воинскую часть. Они, конечно, знали, что за серым забором по Гойзер штрассе находятся русские, но внутри они были впервые.

Вдоль дороги росли высокие каштаны, создавая, таким образом, длинную аллею. У каждой казармы были разбиты клумбы с розовыми кустами и множеством цветников. Здания казарм блестели тщательно вымытыми стеклами окон, а встречающиеся по пути русские солдаты и офицеры вытягивались в приветствии, что приятно волновало полицейских. Вдруг поравнявшаяся с командиром и его гостями колонна солдат, молниеносно превратилась в точенный прямолинейными гранями параллелепипед, звонко топнула и прокричала: здравия желаю товарищ полковник. Немцы замерли в испуге, а Крылатов, повернувшись всем могучим телом к колонне, крикнул: вольно.

И вдруг, так же молниеносно параллелепипед притупил очертания и зашагал дальше.

- Вот это строй, а Ханс – тихо сказал Кун на ухо Грюнмайеру.

- Да – только и смог ответить впечатленный Грюнмайер.

Когда командование полка и немецкие шефы поднялись на трибуну, водруженную на плацу, заморосил противный мерзбургский дождик. Свинцовое небо сурово нависло над колоннами русских солдат, недвижимо стоящих напротив трибуны.

Между колоннами и трибуной в парадной форме с автоматами наперевес расположилась шеренга новобранцев, готовых к принятию воинской присяги.

Присяга длилась долго. Грюнмайер успел замерзнуть в своем летнем форменном кителе, а Кун заметно сдерживал зевоту.

Солдаты по одному подходили к знамени полка, целовали край флага, зачитывали из большой красной папки текст присяги и возвращались в строй.

В конце церемонии командир полка Крылатов долго что-то говорил, прерывая свою речь громким кряхтением. Настал черед шефов. Шенкер подошел к микрофону и начал говорить громко и

четко о дружбе между ГДР и СССР, о братской взаимопомощи и переднем крае обороны стран Варшавского договора. Шенкер говорил по-немецки, так как считал, что это более официально. Советский офицер-переводчик ели успевал за быстрой речью Шенкера, сбивался и, говорил так тихо, что вряд ли бойцы там внизу на плацу что-либо разбирали. Ханс был впечатлен тем, что ни смотря на долгую и непонятную речь Шенкера, полк ни разу не шелохнулся, и казалось, каждый боец внимал каждому слову немца.

Церемония закончилась. Полковой оркестр заиграл бравурный военный марш, и колонны солдат зашагали по плацу, проходя мимо трибуны. Грандиозный военный парад произвел на Куна и Грюнмайера сильное впечатление. Русские, вопреки сложившемуся у немцев мнению, показали великолепную строевую выучку и завидную дисциплину.

Крылатов, сходя с трибуны, задержался на ступенях и, развернувшись к немцам, спросил: ну как вам наша присяга, а? Гуд?
- Аллес Гуд, товарищ Крылатов – ответил за всех Шенкер, а Ханс и Фридрих одновременно закивали головами.
- А теперь в столовую. Посмотрите, какой наши женщины стол накрыли для ребятишек – мягким голосом детского воспитателя сказал Крылатов и пригласил всех за собой.

В полковой столовой было по-домашнему уютно. Ситцевые занавески на больших окнах. Белоснежные скатерти на столах. Столы, щедро уставленные разными сладостями и фруктами. Там были и пирожные и печения в глубоких стеклянных вазах и большое количество шоколадных конфет, а также газированная вода в бутылках. За столами сидели ребятишки, как присягнувших на верность советской Родине новобранцев называл Крылатов, и с наслаждением кушали. Вокруг столов, но все-таки на некотором расстоянии стояли и наблюдали за молодежью офицеры во главе с Крылатовым. Командира Крылатова в полку все называли папой. Только сейчас Шенкер с удовольствием разгадал смысл этого прозвища. Крылатов и впрямь был папой для всех этих русских солдат и офицеров, волею советской власти оказавшихся так далеко от дома. Среди присутствовавших в столовой, Шенкер заметил и офицерских жен. Некоторых он знал по общим банкетам, на которые его часто приглашали. Женщины заполняли опустевшие вазы, подносили газировку и убирали пустую посуду. «Наверное, ребятишкам последний раз дают возможность побыть немного в домашней обстановке, перед тем, как они окончательно окажутся запертыми внутри серого забора по Гойзер штрассе на долгие два года» - подумал Шенкер и его глаза увлажнились.

Перед банкетом, организованным Крылатовым в командирской столовой, офицеры и гости вышли покурить на

воздух. Шенкер курил свой «кабинет», а Ханс и Фридрих, оба не курящие, обменивались впечатлениями от увиденного в полку.

Вдруг, Грюнмайер вздрогнул, как будто вспомнил что-то и обратился к Шенкеру: герр майор, а вы ведь забыли папку с делом о мопедах? Мы хотели все это сегодня решить.

- Во-первых, не забыл, а не взял. Во-вторых, как ты себе представляешь решение этого дела в такой для русских день – ответил Шенкер и, нервно стряхнув пепел, добавил: я сам с Крылатовым переговорю, а для вас у меня есть новое дело. Читали донесения патрульных о беспорядках на дискотеках в политехническом институте? Есть мнение, что там действуют одни и те же хулиганы. Надо это проверить. А с мопедами я сам разберусь.

Все по-старому

Закончился октябрь и наступил последний месяц осени, который оказался последним месяцем целой эпохи. 9 ноября 1989 года рухнула берлинская стена, более трех десятилетий делившая по частям Германию. И вместе со стеной разрушалось все вокруг, разрушалась страна и судьбы ее жителей. Процесс, как говорится, пошел, и его было уже не остановить.

Начальник криминальной полиции Шенкер сидел один в своем кабинете. Он был удручен последними событиями и не знал, что делать. Иногда его озаряла какая-то мысль, он хватался за трубку телефона, но как только он собирался набирать номер, озарение покидало его, и он клал трубку на место.

- Черт знает, что такое. Что происходит? Почему все молчат? – бурчал себе под нос Шенкер и закрывал лицо руками.

За короткий срок все, что было понятно и ясно перестало быть таковым. Учреждения еще работали по привычке или по инерции, но как долго это могло продолжаться. Государство стремительно рушилось, а его граждане бежали через открытую теперь границу навстречу новой жизни, к свободе, которой они в ГДР были лишены, как они думали. Шенкер смотрел что-то по телевизору, что-то слышал по радио. Обрывки речей, призывов, требований.

«А что русские?» - думал шеф полиции: «Надо позвонить Крылатову. Уж он-то должен знать, что происходит».

Шенкер набрал номер, пошли гудки, длинные и громкие, наполняющие голову шефа зловещим эхо.

Наконец, Крылатов ответил: слушаю, Крылатов.

- Добрый день, Владимир Николаевич, это Клаус Шенкер – начал по-русски Шенкер и помедлив немного, продолжил: Вы знаете, что сейчас происходит у нас? Какие призывы раздаются? Что говорит ваш генсек? Я не знаю, что думать, что делать?
- А что ты делать хочешь Клаус? – перебил Крылатов
- Вот я и говорю, я не знаю. У вас есть указания сверху? – перешел все возможные рамки приличия Шенкер.
- Нет у меня никаких указаний. Успокойся Клаус – ответил командир спокойно.
- Значит все по-старому? – Шенкер не унимался.
- По-старому. По-старому. У тебя все? – Крылатов начал раздражаться.
- Да все. До свидания Владимир Николаевич.
- Давай. Пока.

Шенкер положил трубку и откинулся на спинку кресла. Напряжение спало. Он налил в стакан воду из графина, выпил и произнес вслух: все по-старому.

На Запад

Ильза все-таки нашла квартиру и они с Хансом начали ее обустраивать. Ханс принес свой магнитофон и журнальный столик. Ильза попросила брата перевезти платяной шкаф из ее комнаты. Казалось, быт молодой семьи налаживается. Грюнмайер торопился с работы домой к Ильзе и они с Куном все реже стали ходить вместе в пивную.

- Им бы следовало пожениться – ворчала фрау Кун
- Ладно, мама еще успеют – успокаивал ее Фридрих.

Ханс и Ильза были вместе, как они и мечтали. Они были счастливы в своей квартире на окраине старого Мерзебурга и старались не замечать событий, происходящих вокруг. Событий, которые изменяют их счастливую жизнь.

В этот злополучный вечер Грюнмайер решил прийти домой немного раньше обычного. Он собирался сделать Ильзе сюрприз, приготовить что-нибудь этакое к ужину. В управлении в этот день была странная тишина. Все куда-то подевались. Только из кабинета шефа сквозь приоткрытую дверь пробивался свет. Пустые коридоры и кабинеты наводили скуку, и Ханс со спокойной совестью вышел из здания.

Когда Грюнмайер подходил к дому, где они снимали с Ильзой квартиру, он заметил свет в их окне на втором этаже.

- Странно. Ильза должна быть еще на работе. Может это Кун – пробормотал Ханс и вошел в подъезд.

Грюнмайер отпер дверь ключом, вошел в коридор, потом в комнату и остановился.

- Ты что делаешь, Ильза? – спросил Ханс, увидев, что Ильза укладывает вещи в раскинутый на кровати чемодан.

- Я уезжаю, Ханс – ответила Ильза и заплакала.

- Ты что? Куда? – воскликнул Грюнмайер, подскочил к Ильзе и обнял ее что есть силы.

- Прости, Ханс. Я так не могу больше. Я хочу найти отца – сказала, рыдая Ильза, потом оттолкнула Ханса и добавила: ты ведь не понимаешь меня, да?

- Ты с ума сошла Ильза. Что с тобой? Подумай хоть о матери, о Фридрихе. Как ты можешь уехать? Да и куда? Ты ведь не знаешь, где он, твой отец? – Ханс старался привести как можно больше аргументов, но уже понимал, что он теряет Ильзу навсегда.

- Я знаю, где он. Я его найду. Я не могу больше жить здесь. В этом городе. С тобой. Я не хочу – Ильза почти кричала и, комкая, продолжала класть свои юбки и блузки в чемодан.

Ханс сел на край кровати и опустил руки. Было что-то такое сильное в действиях и словах Ильзы, что заставило его сдаться. Да и что он мог сделать? Заставить ее остаться силой? «Нет - решил Грюнмайер: пусть уезжает».

Ханс встал и, молча, вышел из квартиры, спустился по лестнице, вышел на улицу и пошел обратно в управление. Он двигался как во сне, все вокруг теперь не имело для него никакого значения. Ханс вошел в кабинет, где Кун все еще сидел с бумагами. Заметив что-то, Фридрих, подняв глаза от письменного стола, спросил: что случилось, Ханс? Ты какой-то не такой.

- Ты ведь знал, что она уйдет? Что она бросит меня? – вдруг закричал Грюнмайер.

- Что ты кричишь, Ханс? Кто тебя бросил? Ильза? – Кун вскочил со стула.

- Да, Ильза.

- Я ничего не знал, Ханс. Откуда мне знать? Она давно уже не разговаривает ни с мамой, ни со мной.

- Почему Ты мне не говорил об этом? А, Кун – Ханс немного успокоился и прислонился спиной к стене.

- Что она сказала? Давай Ханс, говори – теперь Фридрих занервничал.

- Сказала, что поедет искать отца

- На запад?

- На запад – ответил Грюнмайер и, махнув рукой, вышел из кабинета.

Без Ильзы

Грюнмайер продолжал жить один в снятой квартире. Он втянулся в работу, которой меньше не стало. Шенкер подкидывал им все больше запутанных и интересных дел. Из-за того, что граница была практически открыта частыми стали довольно специфические дела о нападениях на западников. То машину обчистят, то портмоне вытащат. Кун и Грюнмайер опять взяли в привычку ходить в гаштет после работы. А по выходным проводили вечера дома у родителей Ханса или у Куна. Жизнь шла своим чередом. Как и обещал Крылатов, все было «по-старому».

Прошло два года. Шенкер и Кун ушли из полиции Мерзебурга. Шенкер по возрасту, а Кун, потому что ему предложили хорошее место в каком-то министерстве в Берлине. Кун согласился, так как его ничто уже не держало в родном городе. Сестра уехала на запад, и от нее не было вестей. Фрау Кун тяжело переживала разлуку с дочерью и летом 1990 года умерла в городской больнице.

Грюнмайер один приходил на работу, один сидел в кабинете, один пил пиво после работы и один уходил домой. Он привык быть один, и эта привычка стала его пугать.

Однажды он проснулся среди ночи. Он понял, что во сне кричал, что его напугал собственный крик. Он присел на кровати. Лунный свет слабо озарял комнату. Грюнмайер плакал. Слезы текли по его щекам, а он повторял, как в бреду: Ильза, Ильза.

Наверное, Хансу было бы легче, влюбись он снова. Но он не мог забыть Ильзу, он ждал, что она вдруг вернется, хотя и слабо в это верил. Наверное, Хансу стало бы легче, вернись он домой к родителям в их уютный дом на Гартен штрассе. Но он боялся предстать пред родителями поверженным, брошенным, одиноким.

Конец

- Грюнмайер, езжайте к русским. Выясните, что у них там происходит? Мне звонит бургомистр каждые полчаса. Русские задерживают отправку составов. Поскорей бы уже убирались от нас. Столько лет тут у нас на шее сидят, оккупанты – новый шеф полиции Штрауб произнес последнее слово так громко, чтобы ни у кого в управлении не было сомнения в его позиции в свете последних событий.

- А почему я? – спросил Грюнмайер.

- Я буду откровенным Грюнмайер – начал Штрауб, потирая руки: вы и ваш бывший руководитель Шенкер известны своей любовью к русским. Вы уж меня извините, но никто в управлении не хочет ехать к ним. И я не могу. Вы же понимаете, что этот мой шаг может быть истолкован не верно. А вам, уж вы меня извините, как вы сами понимаете, все равно теперь...

- Я все понял, шеф Штрауб – перебил начальника Ханс, развернулся и пошел к двери.

- Вот и хорошо. Вы поторопите их. Пусть не срывают сроков, а то будем отправлять пустые вагоны – прокричал вслед Грюнмайеру Штрауб.

Ханс пошел пешком. И идти было не далеко, да и хотелось прогуляться, подумать. Грюнмайер твердо решил потом не возвращаться в управление. Он решил уйти совсем. Ханс почувствовал себя чужим в полиции Мерзебурга или другим, да это и не важно, все равно Штрауб совершенно точно дал понять, что терпеть кого-то из старой команды Шенкера в управлении он не будет. Тогда зачем Ханс идет к русским. Станным образом русские олицетворяли для Грюнмайера все то, чем он жил раньше, когда хотел работать в полиции, когда хотел быть с Ильзой. Ханс шел к русским, чтобы еще раз, наверное, в последний раз побывать во времени, которое уходит. Он шел через вокзальную площадь, мимо магазина грампластинок, в котором работала Ильза, потом по тихой улочке, вдоль которой, жались к обочинам то тут, то там маленькие «трабанты».

А вот и забор вдоль Гойзер штрассе. Грюнмайер прошел через пустое КПП. Никого не было. Он шел по каштановой аллее, по брусчатой дороге к штабу и на пути не встретил ни одного человека. Ханс вошел в штаб, поднялся на второй этаж и вошел в открытую дверь кабинета русского командира.

Крылатов сидел спиной к двери и смотрел в окно.

- Товарищ Крылатов – произнес Ханс.

- Да – ответил Крылатов и повернул голову: а «смена», заходи – узнал Грюнмайера командир.

- Вот уходим – сказал Крылатов и спросил: а ты чего?

- Я мимо проходил, товарищ Крылатов – смутился Ханс.

- Да что ты все товарищ Крылатов, давай по-простому. Меня Володя зовут.

- Ханс

- Ну вот. Держи пять – протянул руку Крылатов.

- Да – сказал Грюнмайер и пожал командиру руку.

- Выпьем. Как у нас говорят «на посошок» - воскликнул Крылатов и достал из сейфа початую бутылку водки: давай?

Крылатов разлил по стаканам водку и поднял свой: ну Ханс, за мир во всем мире. До дна.

Повисла пауза и в этой нереальной тишине Грюнмайер осознал, что этот русский командир Крылатов - последний из тех, кто олицетворяет для него прошлое, его дорогое прошлое. И Крылатов тоже уходит, как ушла Ильза, Шенкер, а потом и Кун. Ханс заплакал, то ли от этой мысли, то ли от русской водки, которая ударила в голову.

- Да что ты, пацан? Фигня это все. Все образуется. Ты молодой еще, наладишь все – успокаивал Крылатов немца: ты знаешь что? Ты за старое не держись. Старое оно прошло, и нет его больше. А новое только еще будет, а значит можно все правильно сделать. Понял?

- Да – ответил Ханс и вытер ладонями слезы.

Крылатов взял со стола красное полотнище и стал его старательно складывать.

- А что это? – не узнал знамя Грюнмайер.

- Это, Ханс, знамя победы – ответил Крылатов и обмотал сложенное полотнище вокруг своего тела. Зацепил большой булавкой и надел поверх китель.

- Ну, давай прощаться. Без меня там не уедут никак – сказал Крылатов и обнял Грюнмайера.

- Шенкеру привет – добавил Крылатов и вышел из кабинета.

Ханс сел на стул и посмотрел по сторонам. Кабинет был пустым, брошенным. Перекошенные полки на стенах, раскрытый сейф в углу и портрет русского генсека высоко под потолком. Генсек улыбался, и казалось, что он сейчас скажет, обращаясь к Грюнмайеру: Новое только еще будет. Понял?

- Да, понял – сказал вслух Грюнмайер и вышел.

Ханс шел вдоль Гойзер штрассе, навстречу шли молодые ребята, парни и девушки, студенты. Они шли, весело болтая, в институт, и не обращали никакого внимания на Грюнмайера, смотревшего им вслед. Не заметно, Ханс вышел на свою улицу, на ту самую Гартен штрассе, где он жил с родителями до знакомства с Ильзой.

- Мама и папа, наверное, дома – подумал Ханс и вошел в калитку.

Дмитрий Маслов